

БЭТ РИКЛЗ

БРОСОК НАУДАЧУ

Любовь или
популярность?

ОТ АВТОРА КНИГ «БУДКА ПОЦЕЛУЕВ»
И «БУДКА ПОЦЕЛУЕВ-2. НА РАССТОЯНИИ», ПО КОТОРЫМ
НЕТОЛИКС СНЯЛ УМОПОМРАЧИТЕЛЬНОЕ КИНО

Повезет в любви

БЭТ РИКЛЗ

Бросок наудачу

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.111-311.1
ББК 84(4 Вел)

Риклз Б.

Бросок наудачу / Б. Риклз — «Издательство АСТ»,
2013 — (Повезет в любви)

ISBN 978-5-17-121703-7

Мэдисон Кларк сделает все, чтобы ее новая жизнь не разбилась вдребезги. Когда она переезжает из маленького городка в штате Мэн во Флориду, у нее появляется шанс изменить все! В Мэне ее считали неудачницей, поэтому, когда популярные ребята из новой школы берут Мэдисон под свое крыло, она с радостью соглашается. Крутой парень, вечеринки, друзья – все было бы просто чудесно, если бы... не дружба с Дуайтом – милым, смешным, но совершенно занудным парнем, и к тому же – изгоем. Мэдисон не может отрицать: ей с ним весело, но только тогда, когда никто не видит их вместе... Убежать от прошлого, чтобы вновь оказаться на грани провала? Мэдисон не может этого допустить. Но ведь сердцу не прикажешь...

УДК 821.111-311.1

ББК 84(4 Вел)

ISBN 978-5-17-121703-7

© Риклз Б., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Бэт Риклз

Бросок наудачу

Глава 1

– Э-э, латте, пожалуйста, – произношу я, даже не взглянув на официанта. Понятия не имею, зачем сделала такой заказ. Я кофе вообще-то *люблю*. Отношусь к тем девушкам, которые предпочитают чай со льдом или травяной напиток.

Но, сидя здесь, в этой шикарной кофейне с таким пафосным названием – «Ланглуа», – я ощущаю себя такой... ну, не знаю – современной? Привилегированной? Крутой?

– Сию минуту.

Бариста уходит, а я с головой погружаюсь в мобильник, который держу в руках. Это какая-то модная новая модель: с выдвижной клавиатурой, 3G, неограниченным размером сообщений, хранилищем для целой тонны музыки... Все необходимое для хорошего телефона. И он выглядит как хороший телефон. Женщина в магазине *утверждала*, что это – хороший телефон.

К своему стыду, я понятия не имею, как им пользоваться.

Руководство лежит на столе рядом со мной, но у него слишком плотный корешок, книжка не хочет оставаться открытой на странице с пояснением, как настроить Интернет.

То есть я вообще во всем этом не разбираюсь. От меня нет никакого толка в технических вопросах – кроме тех, что касаются загрузки и конвертации музыкальных файлов, – и раньше у меня мобильного не было. Я прежде не нуждалась в нем, поскольку, живя в Пайнфорде, редко куда-нибудь выбиралась.

Я намеренно не называю Пайнфорд домом. С чего бы? Теплых чувств он у меня не вызывает.

Мы провели здесь, во Флориде, десять дней, и это только начало. И я уже в восторге. Это не просто шанс перевернуть страницу, это возможность начать абсолютно новую жизнь.

Чье-то покашливание отвлекает меня как раз в тот момент, когда я решаю, что разобралась, наконец, с этим Интернетом.

Я поняла, почему парень не ставит исходящую паром белую кружку на мой стол: сумочка, коробка из-под мобильного, провода и миниатюрное руководство пользователя заняли все свободное пространство.

– Ой, простите! – машинально извиняюсь я, сбрасываю сумку со стола и как попало запикиваю провода в коробку.

Парень таки ставит кружку, и я впервые внимательно смотрю на него. В его внешности нет ничего особенного. Он не вызывает восхищенных вздохов своей сексуальностью. Но, должна признать, он довольно симпатичный.

Наверняка это из-за черной униформы и темно-зеленого фартука он выглядит немного бледнее, чем есть на самом деле. У него длинный тонкий нос и очень яркие зеленые глаза с густыми темными ресницами. Его темные же и сильно выющиеся волосы коротко подстрижены. Если бы официант вдруг отпустил их подлиннее, держу пари, у него была бы масса упругих локонов, которой позавидовали бы многие девушки. Он высокий, но в меру. Может быть, на пару дюймов выше меня? Впрочем, из-за длинных конечностей он выглядит немного нескладным.

– Спасибо, – произношу я.

– Желаеть что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, этого достаточно.

Перевожу взгляд обратно на телефон, затем снова на руководство пользователя – я придерживаю его локтем, чтобы не закрывалось. Если честно, оно для меня китайская грамота. И я никогда не разберусь в этой проклятой штуке сама.

– Может, тебе, кхм, помочь?

Я моргаю, подняв взгляд на него. Даже не заметила, что официант все еще стоит рядом.

– Разве тебе не нужно обслуживать посетителей? – Наверное, это прозвучало высокомерно, но я не нарочно; просто у меня испортилось настроение из-за телефона. Я уже десять минут бьюсь над сущей ерундой.

– У нас не так много заказов – думаю, я могу уделить тебе несколько минут.

Парень показывает жестом, и я вижу, что так и есть: кроме меня здесь три сплетницы, забившаяся в уголок пара и печатающий на ноутбуке мужчина.

– Все на пляже, – продолжает объяснять официант. – Наслаждаются последними летними днями перед началом занятий в школе. Обычно-то здесь не протолкнуться.

Я киваю.

– Так тебе нужна помощь или нет? – Парень одаривает меня легкой, дружелюбной улыбкой. Немного кривоватой на левую сторону, но от этого скорее необычной и милой.

Уж не знаю, из-за этой ли улыбки или потому, что мне действительно требуется помощь, но я сдаюсь.

– Пожалуйста, – отвечаю я, застенчиво хихикнув.

– Что ты пытаешься сделать? – Он пододвигает стул напротив меня и плюхается на него.

– Точно не скажу. Здесь говорится о необходимости настроить Интернет, и на коробке есть какой-то код, но я не понимаю, что нужно делать.

Он протягивает руку, и я передаю ему сотовый телефон. Склоняюсь над руководством пользователя, гадая, потребуется ли оно ему, или это я такая идиотка.

Как оказалось, руководство ему не требуется.

– Какой там код?

Я зачитываю код с коробки, и после нескольких нажатий на кнопки он возвращает телефон обратно.

– Ну вот. Все готово.

– Спасибо! – Я улыбаюсь. – Клянусь, у техники на меня зуб. На прошлой неделе я чуть не сломала микроволновку.

Конечно, это небольшое преувеличение. Я всего лишь выбрала не ту программу, и моя паста взорвалась, а затем микроволновка отключилась.

Парень смеется. И это у него тоже мило получается – нечто среднее между громким, искренним смехом и хихиканьем. Вызывает ответную улыбку.

Теперь, с более близкого расстояния, мне видны рассыпавшиеся по его лицу веснушки, сгустившиеся на носу и более редкие на щеках.

– Значит, ты здесь новенькая? Иначе я бы уже встречал тебя раньше.

– Мы недавно переехали. Из штата Мэн.

– Здорово. У меня там живут двоюродные братья. Я гостил у них несколько раз на День благодарения.

– Да, там нормально.

– Тебе больше нравится Флорида?

Я киваю, может быть, даже чересчур восторженно, потому что вызываю у него усмешку.

– Как минимум, здесь лучше погода.

– Ты еще не видела наши ураганы.

– Жду не дождусь, – говорю я с нотками сарказма в голосе, и он снова улыбается.

Я так волновалась, что здесь будет трудно завести друзей, что все будет так же, как и в Пайнфорде, что люди просто не захотят со мной знакомиться. Особенно раз я новенькая. На

мой взгляд, здесь есть два варианта развития событий: либо мной заинтересуются в качестве блестящей новенькой игрушки, либо сразу отправят в игнор.

Дело не в том, что я не умею общаться или недружелюбна. Просто мне никогда не попадались люди, которые стремились бы со мной поговорить. От такого с годами становишься слегка застенчивой, мягко говоря.

Но завести друзей здесь оказалось проще, чем я ожидала.

– Где ты учишься? – спрашиваю я, набравшись смелости. Он выглядит примерно на мой возраст, но, возможно, уже выпускник.

– В Мидсоммере. Полагаю, тебя тоже туда зачислили?

Я киваю – снова.

– В одиннадцатый класс¹. Начну учиться через пару дней.

Он снова смеется.

– Аналогично. – Он протягивает руку. – Меня зовут Дуайт.

Дуайт?

Что за странное имячко? Никогда в жизни не слышала, чтобы кого-то звали Дуайт. Но этому парню оно даже подходит.

– Мэдисон, – представляюсь я, пожимая ему руку. – Приятно познакомиться.

– Взаимно. Так почему ты не на пляже? Не ловишь последние лучи солнца, не глазеешь на парней?

– Не улыбалось идти одной. Кроме того, мне нужен был новый телефон.

Я специально сказала «новый». Подумала, ему покажется странным, если я скажу, что у меня никогда еще не было мобильного.

– А-а.

– Что насчет тебя? – парирую я.

– Волны сегодня никуда не годятся, – сообщает он. – К тому же пришлось бы искать того, кто подменит меня на работе.

– Волны?

– Для серфинга.

– Ого. Круто. – Я исподтишка разглядываю его. Он не похож на серфера. Я всегда представляла себе серферов широкоплечими мускулистыми парнями с растрепанными светлыми волосами. И мне казалось, серферы должны быть загорелыми, ведь они много времени проводят на солнце. Дуайт же выглядит слишком бледным и нескладным.

Я отпиваю латте, чтобы сгладить неловкое молчание, и не могу удержаться от гримасы.

М-да. Я определенно больше никогда не закажу латте.

– Слишком горячо? – уточняет парень.

– Э-э, да... Спасибо за помощь, – быстро добавляю я.

– Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится, хорошо? Нужно возвращаться к работе, пока босс не отчитал меня за разговоры с посетителями. – Он снова улыбается мне. – Еще увидимся?

Это звучит как вопрос, а не утверждение, поэтому я отвечаю:

– Да, конечно.

– Приятно было познакомиться, Мэдисон.

– Я тоже рада с тобой познакомиться, Дуайт, – произношу я его удаляющейся спине.

Похоже, у тебя только что появился друг.

И меня начинают переполнять радужные пузырьки. Может быть, влиться в общество здесь будет не так уж и сложно.

¹ В американских школах двенадцать классов, дети учатся до 18 лет. –Примеч. ред.

Глава 2

Смерть двоюродной бабушки Джины – это, пожалуй, лучшее событие в моей жизни.

Только не поймите меня неправильно: я любила ее, и теперь мне очень ее не хватает. Но у нее имелись свои любимчики в семье. Ясное дело, что, раз брат моего отца и его семья живут в Неваде, пожилой женщине было тяжело ездить к ним в такую даль. Но именно к нам бабушка Джина приезжала на главные праздники – День Благодарения и Рождество. А моим кузенам просто посылала по почте чек.

Признаюсь, в детстве я очень ее боялась. Ей было восемьдесят девять, когда она скончалась. Высокая сухопарая дама с редкими седыми волосами и вставными зубами, которые постоянно выпадали и громко клацали, когда она говорила. Но, увидев ее фотографии, я поняла, почему в юности Джину часто снимали в качестве модели. И все же, несмотря на ставшую к старости устрашающей внешность, бабушка была по-настоящему хорошим человеком.

Бабушка Джина жила во Флориде, в большом доме на берегу моря. И после ее смерти все досталось нам. И я действительно имею в виду *все*. Огромное наследство – дом, всю винтажную одежду и драгоценности.

Сначала мы не знали, что с этим делать. Продать недвижимость и, возможно, купить дом получше в пределах штата Мэн? Оставить в качестве загородного дома? До сих пор не помню, кто предложил в итоге сюда переехать. Но кто бы это ни был, я у него в неоплатном долгу.

Делом занялся папа. Он нашел себе место врача в частной клинике, расположенной неподалеку от пляжа, где стоял дом двоюродной бабушки Джины. Мама подыскала в пригороде, недалеко от средней школы, хороший дом с тремя спальнями, большим садом и даже небольшим бассейном. Будучи учительницей начальных классов, мама без труда получила новую работу во Флориде.

Дженна, моя старшая сестра, к тому времени уже уехала из Мэна; она студентка Нью-Йоркского университета, и ей было все равно, переедем мы из Пайнфорда, штат Мэн, или нет. Она там давно не жила и не планировала туда возвращаться.

– Скуотища. Здесь ничего не происходит, – ответила она маме и папе, когда они спросили, почему она не выбрала колледж поближе к дому. – Кроме того, в Нью-Йорке программа обучения лучше. К тому же я хочу повидать мир. Этого не случится, если я останусь в Пайнфорде.

Единственное, что могло бы их удержать от переезда, – это я. А я не могла этого переждать.

В Пайнфорде мне просто нечего было делать. К концу десятого класса я даже не пыталась работать на уроках и не могла похвастаться миллионом друзей и насыщенной общественной жизнью. Поэтому, когда мама осторожно спросила меня: «Мэдисон, дорогая, как ты считаешь, с тобой точно-точно все будет в порядке, если мы переедем во Флориду?», – мой ответ был мгновенным:

– Можно я уже начну собирать вещи?

Переезд во Флориду означал, что я смогу начать совершенно новую жизнь.

В Пайнфордской школе моя сестра Дженна была весьма популярна. Блондинка из группы поддержки, но одаренная умом наравне с красотой, она состояла в организационном комитете Бала выпускников и занимала должность президента класса. Такая типично американская девушка-мечта.

В этой же школе училась и я.

Но я просто... не Дженна. Хотя и пыталась ею стать. Мне вполне нравилось держаться обособленно, однако отнюдь не по своей воле я избегала вечеринок, не являлась предме-

том школьных сплетен или объектом внимания парней... Я не изображала из себя одинокую неудачницу, такую роль в школе определили для меня все остальные.

И переезд в Мидсоммер, округ Коллиер, штат Флорида, – это отличный шанс на совершенно новую жизнь. Никто не проверит, дотягиваю ли я до планки, установленной моей сестрой. Никто не узнает, какой я была последние пару лет.

Я могу стать собой.

Такой, знаете ли, лучшей версией себя.

Я беру с кофейного блюда чайную ложечку и поворачиваю пальцами так, чтобы видеть на выпуклой поверхности свое искаженное отражение. Я все еще привыкаю видеть незнакомку в зеркале.

Когда я осознала, что благодаря переезду могу построить совершенно новую жизнь для себя, то также поняла: лучшего времени для преображения и не придумать. Ведь именно так все и поступают, верно? Переезжают на новое место и возрождаются кардинально новыми, лучшими, не так ли? Я хотела того же.

Ладно, от меня не требовалось ничего радикального. Толстуха Мэдди исчезла больше года назад – просто никто не интересовался мной настолько, чтобы это заметить. Брекеты я сняла на прошлое Рождество. А с февраля избавилась от безобразных очков и стала носить контактные линзы. Но сложившееся у людей мнение очень трудно изменить. Они уже сделали выводы, навесили на тебя ярлык, и им хочется, чтобы ты носила его вечно. Тебе выделили место в обществе, и там, по их мнению, ты и должна оставаться.

Так что даже когда я похудела, даже когда мне сняли брекеты, даже когда я начала носить контактные линзы, поскольку с ними удобнее, чем в очках, всем было плевать. Люди могут быть недалекими и поверхностными, но иногда они слишком эгоистичны, чтобы вообще замечать тебя.

С той поры и мне стало плевать. Когда ты отгораживаешься стеной, ее трудно пробить.

Теперь, однако, мне совсем не наплевать на мнение окружающих.

Новая Мэдисон – крутая, непосредственная, дерзкая.

Глядя на растянутое отражение в ложке, я могу поверить, что превращаюсь в новую Мэдисон.

Дотрагиваюсь рукой до волос – не из самолюбования. Я все еще привыкаю к тому, что у меня их вроде как больше нет. На самом деле это довольно радикальная перемена: всю жизнь я носила длинные волосы. Кому-нибудь другому – например Дженне – люди могли бы позавидовать. Но мои волосы были мышиного цвета, без многослойной стрижки или челки, которые бы их оживили, так что вы поймете, почему я их обрезала.

Ну, *не все*. Но почти все.

Мама взбесилась, когда увидела меня – вернувшуюся из нашей скромной городской парикмахерской. Она вытаращила глаза и уставилась на меня. «Вроде бы ты сказала, что *простоподравниаешь кончики!*»

Но сейчас я улыбаюсь отражению в маленькой серебряной ложечке, поскольку люблю свою новую прическу. Я выбрала короткую стрижку боб с более длинными прядями спереди, обрамляющими лицо. Некоторые пряди сделали темнее, а некоторые – осветлили, чтобы оживить образ. О, и широкая косая челка, которая почти скрывает левый глаз, по словам Бобби, моего парикмахера, придает мне «остроты рок-гламура». На этот раз я поверила ему на слово.

Но главная причина, по которой я постриглась, – я хотела лишиться себя укрытия. Не выглядеть лучше, хотя это сыграла *немалую* роль. Но там, в Пайнфорде, я могла опустить голову и спрятаться за волосами, надеть наушники и постараться исчезнуть. Я хотела измениться, стать новой Мэдисон. Так что, отрезав волосы, *вынудила* себя вести по-другому. Прятаться стало трудней.

Я не особенно красива – я знаю это и никогда не ожидала, что стрижка, макияж, или что-то еще меня изменят. Тем не менее, по сравнению с тем, как я выглядела в Пайнфорде, с уродливыми очками, брекетами и лишними килограммами, теперь смотрюсь хорошо – не так уж уныло. И мне этого достаточно.

Одна вещь, которую мне повезло унаследовать, – это мамина безупречная кожа. Ну ладно, моя *не такая* уж безупречная – гормоны дают о себе знать. Но все же она почти идеальная.

Новая Мэдисон – крутая, дерзкая, непосредственная.

Дерзость выражалась в стрижке. Крутость заключалась в покупке нового гардероба – ну, такого, который состоял бы не только из простеньких мешковатых футболок и бесформенных джинсов, скрывающих фигуру. Мои родители были только рады оплатить обновки и увидеть, что я наконец-то веду себя как нормальная шестнадцатилетняя девчонка.

Осталось проявить в чем-то *непосредственность*, но такое запланировать трудно.

Я кладу ложку, беру свою кружку и глотаю теплый латте – никто не должен понять, что я на самом деле не люблю кофе. Затем собираю вещи, кладу коробку от телефона обратно в сумку, а модный новый мобильник, теперь полностью настроенный (и без дополнительной помощи бариста Дуайта, имею честь признаться), – в задний карман джинсовых шорт.

Дуайт чистит кофейник, когда я подхожу к стойке.

– Еще раз спасибо, – протягиваю чек, приложив десятидолларовую купюру, которой более чем достаточно в качестве чаевых за один латте, но я чувствую, что должна ему еще и за помощь с телефоном.

Пока я говорю, он оглядывается и затем улыбается мне:

– Без проблем. Ты уже уходишь?

Киваю.

– Мне нужно быть дома к ужину, так что... Ну, э-э, я... Увидимся, – бормочу я. Затем снова улыбаюсь и неловко машу рукой, прежде чем пойти к двери.

– Эй! Э-э, Мэдисон?

Занеся одну ногу над порогом, я оглядываюсь на него.

– Да?

Мой голос потрясающе спокоен, если учесть, что сердце внезапно забилося, а ладони вспотели. Я крепко сжимаю пластиковый футляр. Во рту пересыхает, и я с трудом сглатываю. Потому что на мгновение приходит мысль: «*О боже, он собирается пригласить меня на свидание?*»

Не будь такой смешной, Мэдисон. Ты не настолько хорошо выглядишь. Вы только познакомились. Он не пригласит тебя ни на какое свидание.

Затем звучит голос Дуайта, обрывая мои внутренние размышления и возвращая к реальности:

– Чем ты занимаешься завтра?

Моргаю.

Что это... Неужели он... все же приглашает меня на свидание?

– Ничего. По крайней мере, по-моему, ничего. А почему ты интересуешься? – Похоже, я начинаю заговариваться, лучше помолчу.

– Ну, я просто подумал, раз уж ты недавно к нам переехала... Ты уже была на пляже?

– Нет, еще не выпало случая.

– У меня завтра только дневная смена, – произносит он с легкой кривоватой улыбкой. – А вечером там – на пляже – будет праздник. Его устраивают каждый год – ну, знаешь, типа конец лета и все такое. Я просто подумал, вдруг ты захочешь пойти. С кем-нибудь познакомишься.

Все прежние беспорядочные мысли исчезли; теперь мой разум пуст, и мне требуется пара секунд, чтобы ответить. Поскольку: а) этот парень пригласил меня на вечеринку, а я еще нико-

гда не была на вечеринке, и б) этот парень, на самом деле довольно симпатичный, таки не пригласил меня на свидание.

– Конечно, – наконец удается выдать мне с улыбкой. – Сначала мне нужно отпроситься у родителей, но...

Умолкаю. Не слишком ли глупо с моей стороны было сказать, что я должна спросить своих родителей?

Он улыбается в ответ.

– Потрясно. Твой мобильник теперь работает нормально? – Дождавшись моего кивка, Дуайт добавляет: – Я забью туда свой номер. Встретимся где-нибудь заранее, чтобы тебе не пришлось появляться одной.

Я понимаю, это просто дружеский жест, но едва не расплываюсь в широкой улыбке. «*Он дает мне свой номер!*» – так и вертится в голове, когда я протягиваю мобильник.

– Обычно начинают около восьми, – сообщает он мне.

– Ладно. Кхм. Ладно. Спасибо. Значит, эм-м, увидимся завтра.

Буду ли я выглядеть еще большей идиоткой, если хлопну себя по лбу? Господи, неужели я не могу сформулировать простое предложение?

– Пока, Мэдисон.

– Пока, Дуайт.

Уходя, я на седьмом небе от счастья. Серьезно. Я иду на вечеринку (как только договорюсь с мамой и папой)!

Я несусь по дороге вприпрыжку. Здесь, на окраине города, расположено несколько заведений: кофейня «Ланглуа», парикмахерская и библиотека; затем аптека и еще пара несетевых магазинов музыки и одежды.

Не знаю, что именно бросается мне в глаза, но вдруг я останавливаюсь и смотрю на одно из зданий. Оно не очень большое, мрачноватое на вид и не такое высокое, как остальные здания на улице. Вижу надпись крупным курсивным шрифтом на витрине: «*Городской салон бодипарта Бет*». И витрины увешаны фотографиями пирсинга и образцов татуировок. Я стою и смотрю, совершенно загипнотизированная открывшимся зрелищем. И буквально подпрыгиваю, едва не уронив футляр от телефона, когда слышу звук открывающейся двери.

В дверях, скрестив руки на груди, стоит женщина и глядит на меня. Я слатываю. Она будто сошла со страниц каталога салона: многочисленные проколы в ушах и на лице, татуировки на руках. Из помещения доносится мягкий, слегка дребезжащий звук старой песни группы Guns N' Roses. Женщина полная, с седеющими волнистыми волосами до плеч.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь, дорогая? – вежливо спрашивает она.

Я плююсь на нее, понимая, что это невежливо, но ничего не могу с собой поделать. Она выглядит так, словно ей не хватает питбультерьеров у ноги и огромного мотоцикла Harley Davidson, а говорит, как добрая мамочка, которая постоянно печет своим детям печенье.

– Э-э... я просто смотрю...

Поворачиваюсь обратно к витрине. Краем глаза вижу, как она внимательно изучает меня, и от этого неловко переминаюсь с ноги на ногу.

– Ты никогда не думала о том, чтобы проколоть нос, дорогая?

– Нет, – мотаю я головой.

– Тебе бы пошло, – сообщает она с улыбкой в голосе. – Но только справа, из-за челки.

– О. Вообще-то, я никогда об этом не думала.

– Что ж, ты знаешь, где меня найти, если когда-нибудь решишься – хорошо, дорогая?

Я поворачиваюсь к ней, и она одаривает меня теплой улыбкой.

Пирсинг в носу? Мама и папа убьют меня. Да и разве это не больно? А если ранка воспалится?

Но новая Мэдисон должна быть импульсивной, верно?

И это звучит довольно круто... К тому же пирсинг подойдет к моей новой прическе «рок-гламур», не так ли?

Не успев все хорошенько обдумать, я уже слышу собственный голос:

– Знаете, что? Давайте. Почему нет.

Дама (полагаю, она и есть та самая Бет, владелица «Городского салона боди-арта Бет») в ответ приподнимает брови.

– Ты уверена, дорогая?

Я улыбаюсь и киваю, прежде чем последовать за ней внутрь, несмотря на то что до смерти напугана – поскольку: а) подозреваю, это будет очень больно, и б) дома меня убьют...

Глава 3

Пирсинг в носу болит адски.

Когда я впервые взглянула в зеркало, то практически не узнала себя. Стрижка «рок-гламур» и блестящий синий гвоздик в носу – это одно, но шорты с модными прорезами от бренда «Аберкромби» и симпатичный синий топ с подходящими по цвету вьетнамками – такое тоже совсем на меня прежнюю не похоже.

Я представляю, какой была в начальных классах средней школы. Упитанная, в роговых очках с толстыми линзами, в брекетах, которые носила по меньшей мере год. В бесформенном свитере и джинсах, чтобы не бросалось в глаза, как я далека от нулевого размера.

Ладно бы я была невидимкой. Но я ей не была. Ладно бы я отличалась умом, но хорошие оценки мне ставили, только когда я действительно старалась, так что «ботанкой» меня не назовешь. Ладно бы я играла в оркестре или состояла в шахматном клубе – но нет.

Встряхиваю головой, поскольку здесь и сейчас все это уже не важно. Больше мне не придется быть такой Мэдисон. Она в прошлом.

Я улыбаюсь своему отражению. Безусловно крутому, дерзкому и порывистому.

По пути домой я очень собой довольна. Не только из-за пирсинга или того, что симпатичный парень записал свой номер в мой телефон, но и из-за того, что все наконец налаживается.

Ну, по крайней мере, все так ощущается, пока я не дошла до дома.

– Мэдисон, это ты?

– Учитывая, что, кроме меня, в этом штате больше ни у кого нет ключей от нашего дома, нет, мам, это не я! – кричу в ответ.

В доме витает аромат стряпни, и сразу понятно – папа готовит пасту. С силой втягиваю носом воздух: его блюда всегда пахнут потрясающе. А вот мамыны чаще оказываются... подгоревшими.

– Ты как раз к ужину, – сообщает мама, на мгновение выглянув из кухни. Пока я разубаюсь, она продолжает: – Выбрала себе телефон?

– Ага. С Интернетом и всякими наворотами. – Я не уточняю, что за навороты, поскольку сама еще до конца в них не разобралась. Знаю только, как отправить сообщение, позвонить и открыть Google.

– Отлично.

Она даже не спрашивает, сколько это стоит. Просто рада, что я веду себя как нормальный подросток.

Захожу в кухню с выкрашенными в бежевый цвет стенами, деревянной мебелью и керамической плиткой, а папа как раз раскладывает пасту. Беру тарелку и сажусь за стол.

– Вы закончили переносить оставшиеся коробки на чердак? – спрашиваю.

– Угу, – гордо отвечает папа. Маманесколько дней кряду просила его убрать из комнаты для гостей все старые фотоальбомы и игрушки, оставшиеся с тех времен, когда мы с Дженной были детьми, – ну, знаете, барахло, которое обычно хранится на чердаке.

Мама с папой садятся за стол, и я чувствую, как быстро и сильно бьется сердце. Они еще не заметили пирсинг. Может быть, и не обратят внимания – хотя бы еще пару дней. Или, может быть, все-таки заметили и каким-то чудом им все равно. Не знаю, но сама спрашивать не стану.

– Тебя долго не было, – произносит мама через пару минут.

– Я зашла в кофейню. Нужно было настроить мобильник. Там работает один парень, и ему пришлось помочь мне разобраться.

– Парень? – Мама наострила уши. Я знала, что так и будет.

– Да. Он сказал... ну, он идет в одиннадцатый класс, как и я.

– Правда? Как он выглядит? Симпатичный?

«Да, – приходит мне на ум, – *очень симпатичный*».

Но я пожимаю плечами и говорю:

– Конечно. Наверное. Во всяком случае, он был очень мил. Сказал, что завтра вечером на пляже будет праздник. Снова в школу и все такое.

– Он тебя пригласил?

Я киваю, но поспешно добавляю:

– Но только по-дружески. Чтобы я могла с кем-нибудь познакомиться перед началом учебного года.

Мне нужно ясно дать понять: это не свидание. Мама с ума сойдет от мысли, что ее дочь, которая наконец-то выбралась из панциря и превратилась в обычную шестнадцатилетку, встречается с кем-то.

– О... – Мама кажется слегка разочарованной, однако затем она добавляет: – Но это же здорово! Судя по твоим словам, он замечательный. Как его зовут?

– Дуайт.

– Дуайт, а фамилия?

– Не знаю.

– А где он живет?

– Где-то здесь, наверное. Не знаю. Я его не допрашивала.

– Вернемся к теме, – говорит папа, указывая на меня вилкой, – что там насчет вечеринки?

– Она будет на пляже. Похоже, просто соберется толпа школьников. Дуайт сказал, что все начнется около восьми.

Родители обмениваются короткими взглядами, а потом папа строго говорит мне:

– Никакой выпивки, Мэдисон, ты меня слышишь? Мы не хотим, чтобы ты пошла на вечеринку и натворила глупостей. Ты не знаешь этих людей, и мне плевать, что они все пьют, а ты – нет.

Я почти уже готова возразить, просто из принципа. Но правда в том, что я слишком воодушевлена этой вечеринкой – *настоящей вечеринкой!* – чтобы спорить. Поэтому просто киваю, улыбаюсь и говорю:

– Да, конечно. Я все поняла.

Папа тоже кивает и бросает на меня строгий предупреждающий взгляд.

– Хорошо. И можешь вернуться домой к половине двенадцатого.

– А что, если больше никто не уйдет? Что, если вечеринка закончится в полночь или в час? – «*Не хочу показаться всем неудачницей*», – добавляю я про себя.

– Ты можешь вернуться домой к половине двенадцатого, Мэдисон, – говорит мне мама. – Как папа и сказал, ты не знаешь этих людей, и мы не хотим, чтобы ты оставалась с ними до завтрашнего утра.

– Ладно, – ворчу я, но не слишком воинственно. Комендантский час в половину двенадцатого – это лучше, чем вообще остаться дома.

Еще минуту или около того мы едим в тишине, а затем мама говорит:

– Мэдисон, ну-ка посмотри на меня.

Что я и делаю. И ее столовые приборы со стуком падают на тарелку, едва не вываливая пасту на стол.

– Что, черт возьми, ты сделала со своим лицом?

Я не сразу понимаю, о чем речь. Прикусываю губу и чувствую, как сердце уходит в пятки.

– Мы поручили тебе пойти и купить мобильный телефон, а ты пришла домой с... с этим?! – кричит мама. Ее лицо краснеет от гнева. Мама редко злится. Она из тех славных воспитателей детского сада, которые обожают детей. Мы с Дженной всегда знали, что, если уж мама разозлилась, нам придется тяжело.

Однажды Дженна разбила старинную вазу, которую мама унаследовала после смерти бабушки. Это вышло совершенно случайно: Дженна споткнулась и врезалась в стол. Но мама так разозлилась, что наказала Дженну на целую неделю.

Поэтому прямо сейчас мне хочется провалиться под землю, и я уже жалею, что сделала пирсинг.

– Это всего лишь пирсинг, – бормочу я в свою защиту. – Это же не татуировка...

– *Что?* – кричит папа, скорее потрясенный, чем рассерженный. – *Зачем?*

– Да, Мэдисон, – кипит от гнева мама. Если бы взгляды могли убивать... – Не хочешь ли объяснить нам, зачем ты так изуродовала свое лицо?

– Не знаю, – бормочу я. От запаха пасты, который показался восхитительным, когда я вошла в дом, внезапно начинает тошнить. – Я просто хотела... Я подумала, что это будет выглядеть круто...

– Ах, Мэдисон, какая же ты глупышка! – произносит мама, и в этот момент весь гнев, кажется, уходит из нее. Она больше не злится, скорее расстроена. Даже сочувствует. Она обмякла в кресле, как тряпичная кукла, словно лишь злость на меня помогала ей держать спину прямо.

Потом мама снова садится ровно и наклоняется над столом, положив свою руку поверх моей.

– Дорогая, я знаю, тебе было тяжело. Я знаю. Это убивало меня. И я знаю, что ты хочешь произвести хорошее впечатление на новых знакомых и завести друзей, но тебе не обязательно делать что-то подобное, лишь бы...

Со вздохом она умолкает.

Мама думает, я сделала пирсинг, чтобы больше нравиться окружающим.

Может, она и права. То есть я считала, что это сделает меня интересной и крутой... Чтобы со мной захотели общаться. Чтобы не сливаться с массовкой. Так что да, возможно, моя мама права – за исключением того, что в момент принятия решения я не вполне понимала свои мотивы. Кто знает? Я сейчас не в настроении заниматься самоанализом.

Открываю рот, собираясь поспорить, но мама перебивает меня:

– Ну, теперь все равно, его нельзя вынимать. Ранка может воспалиться. – Она вздыхает. – Знай, Мэдисон, я от этого не в восторге.

– Знаю, – бормочу я.

Я жду, что она запретит мне идти завтра на вечеринку и, возможно, даже посадит под домашний арест. Меня никогда раньше не наказывали. Но опять же, если бы и наказывали, что бы это изменило? В Пайнфорде, пока все остальные ходили по вечеринкам, я все равно сидела в своей комнате.

Но теперь, при мысли, что впервые окажусь под домашним арестом, я слегка паникую.

А потом мама спрашивает:

– А ты уже думала о том, что наденешь на эту вечеринку? – И вот тогда я начинаю *настоящему* паниковать.

В тот же вечер звонит Дженна, и примерно через десять минут папа кричит мне:

– Мэдисон, Дженна хочет с тобой поговорить!

Я вытаскиваю наушник из левого уха и наклоняюсь к тумбочке, чтобы взять вторую трубку.

– Привет, Дженна.

– Пирсинг в носу, да? Должна признаться, Мэдс, я от тебя такого не ожидала. Мама совсем не рада этому. – Она смеется. – Но ты молодец. Бьюсь об заклад, это выглядит сексуально.

– Черт возьми, да. – Я произношу это с сарказмом, но на самом деле надеюсь, что это и правда выглядит «сексуально», раз она так сказала.

Дженна снова смеется, и, прежде чем я успеваю поинтересоваться, как там поживает Большое Яблоко², она берет быка за рога и говорит:

– Выкладывай все об этом парне из кофейни!

– Его зовут Дуайт. Он моего возраста, и мы вместе будем ходить в школу. Так что это хорошо, знаешь, потому что у меня вроде как уже есть друг. А еще он очень симпатичный – у него замечательная улыбка.

– О-о, – воркует моя старшая сестра. – А как же он выглядит? Высокий? Мускулистый? Миловидный? Он похож на футболиста или кого-то еще?

– Ну да, он довольно милый... – Сообщая это, я накручиваю на палец прядь волос, на моих губах играет улыбка. – Высокий. Темные волосы. И он занимается серфингом, – добавляю я. – Но он пригласил меня на вечеринку только как друга. Он даже не флиртовал, так что ничего тут особенного.

Последние фразы Дженна пропускает мимо ушей.

– Правда? Серфингист? Ого. Это... – Она смеется. – Это и правда круто! Похоже, ты подцепила классного парня! А что там мама говорила по поводу вечеринки?

Дженна произносит «вечери-и-инки», и от этого я хихикаю и качаю головой.

– Дуайт сказал, что завтра вечером на пляже будет тусовка. Он дал мне свой номер, чтобы...

– *Он дал тебе свой номер?!* – издает вопль Дженна. – *Боже мой!* Ты серьезно? А говоришь, он считает тебя только другом. Пф-ф-ф.

– Дал, но только чтобы мы могли встретиться заранее. *Это действительно* было по-дружески! – настаиваю я.

– Э-э, Мэдисон, нет, не было, поверь мне! Раз он дает тебе свой номер вот так, – я слышу, как она резко щелкает пальцами на заднем плане, – значит, ты ему понравилась.

– Мне так не кажется, – отвечаю я, снимая с одеяла волокна выбившегося наполнителя. – Я правда считаю, что он просто проявил вежливость. Знаешь, чтобы мне не пришлось стоять там одной, как... как лимон.

– М-м, – задумчиво произносит сестра. – А ты бы хотела, чтобы это было свиданием?

– Наверное, – бормочу я. Я бы не призналась в этом маме, но Дженна – другое дело. – Но какая разница, ведь это не свидание.

– Ну ладно, тогда следующий вопрос: как одеваешься?

– Сейчас на мне шорты, майка и свитер, который бабушка связала на прошлое Рождество.

– Я имею в виду, как завтра одеваешься, на вечеринку, дубина.

Мы обе смеемся.

– Честно говоря, не знаю, – отвечаю я.

– Что ж, для чего-то же нужны старшие сестры? Выбирай шорты, определенно. У тебя есть какие-нибудь потертые? И когда я говорю «шорты», то имею в виду действительно короткие шорты. Из тех, которые мама не одобрит.

Я хихикаю и скатываюсь с кровати, чтобы открыть шкаф. Мы с Дженной болтаем больше получаса, и она объясняет мне, какие элементы гардероба, по ее мнению, подходят для пляжной тусовки. С учетом того, что, живя в Мэне, она никогда не ходила на вечеринки на побережье, ее осведомленность кажется мне просто ужасающей.

Когда я обращаю на это ее внимание, Дженна смеется и говорит:

– Мэдисон, просто доверься мне.

² «Большое яблоко» (англ. The Big Apple) – самое известное прозвище американского города Нью-Йорка. Возникло в 1920-х годах. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Что я и делаю.

Глава 4

Вы когда-нибудь испытывали чувство тошноты во время того, как в первый раз отправляете сообщение парню, который вам нравится?

Итак, представьте себе: у меня настолько сильные спазмы в животе, что едва не писаюсь, взмокшие ладони, лихорадочная череда мыслей. Я удаляю и переписываю одно сообщение не менее десятка раз.

Моя ситуация еще хуже: ведь я никогда раньше не писала парням, вообще. Я совершенно не разбираюсь в том, как это принято делать.

Я трачу около двадцати минут, пытаюсь составить сообщение для Дуайта. Прямо сейчас на экране моего телефона написано: «Привет! Как дела? Хотела узнать, как мы встретимся с тобой перед вечеринкой? J». И теперь я лишь пристально вглядываюсь в текст и пытаюсь определить, насколько он приемлем. Может, убрать «Как дела»? И следует ли добавить в конце «Целую»?

Не знаю, не знаю, не знаю!

Я бросаю телефон на кровать и запускаю пальцы в волосы, прикусывая губу, чтобы сдерживать вопль отчаяния.

Дзинь!

Я замираю. Затем опускаю руки и широко распахнутыми глазами смотрю на телефон. Кажется, в это мгновение мое сердце реально перестало биться.

Я кидаюсь к телефону, хватаю его и беспомощно смотрю на экран.

Сообщение отправлено.

Когда я уронила телефон, то случайно нажала кнопку отправки. Я тихонько выпускаю тревожное поскуливание, и мое сердце снова начинает свой бег, причем довольно быстрый.

После двойной перепроверки становится ясно: да, телефон *совершенно точно* отправил сообщение Дуайту.

Проходит несколько минут, прежде чем паника и тревога утихают. Скорее всего, я бы в любом случае отправила ему нечто подобное. Не из-за чего переживать. Я веду себя глупо.

Теперь остается лишь дожидаться ответа.

Я помню, Дуайт работает в дневную смену, так что, возможно, он все еще на работе и не ответит некоторое время.

А пока я иду к своему шкафу и достаю наряд, который помогла выбрать Дженна. Это молодежные микрошорты из светло-голубого денима с немного обтрепанными краями, которые прикрывают лишь треть бедра. К ним – белая кофточка с низким вырезом, украшенным черными кружевами. Пара черных сандалий, несколько золотых браслетов и легкая белая толстовка – по словам Дженны, никто не придет туда слишком нарядным и может быть холодно, но мне все равно хочется выглядеть хорошо.

Насчет кофточки я не уверена. Я хочу сказать, у меня не такой уж пышный бюст. Дженна всегда дразнила меня (и вообще-то до сих пор продолжает), что я плоская как гладильная доска. Это преувеличение, но не такое уж большое.

Но погодите, Дженна, возможно, не была ни на одной *пляжной* вечеринке, но она наверняка знает намного больше о вечеринках вообще и о том, что надеть, чем я.

Я погружаюсь в размышления, как буду смотреться в подобранном наряде, и, когда мой мобильный телефон снова издает «Дзинь!», аж подпрыгиваю.

О боже, он ответил!

Поспешно убираю одежду обратно в шкаф как можно аккуратнее, чтобы не помять. Затем хватаю мобильник.

Одно новое сообщение: от Дуайта.

Я ухмыляюсь, в то же время чувствуя жуткую тревогу. Но решаюсь – открываю сообщение.

«Привет, J. Где ты живешь? Я могу зайти за тобой в восемь, если удобно?»

Отправляю ему адрес и отвечаю, мол, это очень даже удобно, спасибо! Добавляю смайлик и нажимаю «Отправить», затем откидываюсь на подушки и улыбаюсь.

Смесь возбуждения и страха наполняет меня. По правде говоря, даже не знаю, о чем сейчас думаю. Без конца улыбаюсь, поскольку наконец становлюсь тем, кем хочу быть, и выхожу в реальный мир; меня не игнорируют, надо мной не смеются. Но в то же время сердце уходит в пятки, ведь я никогда еще не была на вечеринке и понятия не имею, что буду там делать. Я не знаю никого, кроме Дуайта, и не могу требовать от него весь вечер провести со мной рядом.

Я понимаю: мне придется разговаривать с людьми – и встретиться с большинством из них в школе в понедельник. А если я им не понравлюсь? Если не найду, что им сказать, или выставлю себя идиоткой? Кажется, будто меня швырнули в бездну без всякой страховки.

Я понимаю: так, вероятно, лучше, чем просто появиться в школе в понедельник, как овечка, заблудшая в бассейн с пираньями. По крайней мере, благодаря вечеринке у меня будет возможность познакомиться с кем-то, может быть, даже произвести хорошее впечатление.

И не успеваю я оглянуться, как уже почти семь часов.

Прыгаю в душ, а затем тщательно укладываю волосы, одеваю и наношу макияж. После переезда во Флориду мама убедила меня купить целую гору косметики.

– Не то чтобы тебе без этого не обойтись, – пояснила она. – Ты прекрасна, милая. Но когда ты просто захочешь прихорошиться, тебе она потребуется, я знаю. Дженна была точно такой же.

До недавних пор я пользовалась только тушью – мои ресницы такие светлые, что их будто и не существует вовсе, – а к остальной косметике не прикасалась. Если бы я собиралась в торговый центр с мамой, то, возможно, добавила бы немного консилера под глаза. Но и только.

Однако сегодня вечером я стою перед туалетным столиком и тщательно наношу все: тени для век и подводку для глаз, тональный крем и румяна, тушь для ресниц и блеск для губ. По полной программе.

И опять же, я так рада, что росла рядом с такой старшей сестрой, как Дженна; я никогда особенно не пользовалась косметикой, но хотя бы знала, как правильно ее наносить.

Накрасившись и одевшись, я делаю шаг назад и внимательно оглядываю себя в зеркале. Я уже немного свыклась с отражавшейся в нем в последнее время незнакомкой, но на этот раз просто потрясена.

Я выгляжу...

Я выгляжу *хорошо*. Не нахожу ничего – вообще ничего – от себя прежней. Я пристально изучаю отражение и удивляюсь, куда подевалась Толстуха Мэдди; гадаю, как, черт возьми, я умудрилась превратиться из жертвы насмешек и одиночки, а если повезет, то просто невидимки, в... в такую.

Я бы никогда не призналась в этом вслух, но считаю, что выгляжу сейчас даже более чем хорошо. Новая Мэддисон должна быть крутой, дерзкой и порывистой. И я точно подхожу под это определение.

На моем лице расцветает улыбка. Я чувствую себя уверенно, словно эта вечеринка мне по плечу, словно я могу пойти туда и свободно общаться с людьми. Потом перекидываю браслеты с правой руки на левую – не хочу, чтобы кто-нибудь увидел мой шрам и спросил о нем.

Раздается звонок в дверь.

Дыхание перехватывает. *Он здесь!*

Громко смеюсь, представляя, до какой степени обрадовалась бы, если бы парень, звонящий в дверь, пришел на свидание.

– Это не свидание, – тихо говорю я, глядя прямо в глаза отраженной в зеркале Мэдисон.
– Он пригласил меня только по доброте душевной. Это не свидание.

Резко выдыхаю и вдруг, услышав оклик папы: «Мэдисон! Твой друг пришел», – осознаю, что успела совершенно забыть об ожидающем внизу у двери Дуайте.

Я со всех ног бегу вниз по лестнице – надо помешать папе, а то он заставит краснеть меня – или Дуайта. Пусть моя реакция не кажется вам чрезмерной, серьезно... Когда Дженна приводила домой парней, я видела, как родители могут при желании начудить – хотя обычно они очень хорошие. И даже если Дуайт просто друг, я не собираюсь подвергать нас обоих такому испытанию.

Но папа все равно решает поставить меня в неловкое положение и говорит:

– Разве поверх этого не нужно надевать брюки, Мэдисон?

Стискаю зубы и пытаюсь не краснеть. С годами я научилась не позволять щекам гореть после всякого акта унижения в школе.

– И в половину двенадцатого комендантский час – все понятно, – отвечаю я. Затем поворачиваюсь и улыбаюсь Дуайту, наконец-то взглянув на него.

На моем новом друге брюки цвета хаки и белая футболка. Крой свободный, поэтому Дуайт выглядит еще более долговязым и худым – но не в плохом смысле.

– Готова? – обращается он ко мне с кривоватой улыбкой.

– Ага, – киваю.

– Мобильник взяла? – спрашивает папа.

– Да, – откликаюсь я немного раздраженно – мне уже очень хочется уйти.

– Хорошо. – Он поворачивается к Дуайту и быстро кивает. – Повеселитесь, детишки.

– Пока, папа, – прощаюсь я и иду к открытой двери. Дуайту приходится отступить на улицу, чтобы мы не столкнулись.

Я закрываю дверь одной рукой, а затем останавливаюсь, смотрю на него и с усилием выдыхаю – моя косая челка на мгновение аж приподнимается.

– Ты как будто стесняешься своего отца, Мэдисон, – смеется Дуайт.

– Что? – Я делаю такое лицо, будто понятия не имею, о чем он говорит. – С чего ты это взял?

Он снова смеется.

– Не волнуйся: он вроде бы неплохой. Хуже моей мамы никого нет, я точно знаю. Однажды она решила показать моим друзьям мои детские фотографии. И я имею в виду такие детские фотографии, которые должны лежать и пылиться на чердаке.

Я смеюсь и вспоминаю, как мои родители поступили так же с одним из парней Дженны.

– Кстати, классный пирсинг. Тебе идет.

– О, спасибо! – Я лучезарно ему улыбаюсь.

Мы идем по пешеходной дорожке.

Шагая рядом с Дуайтом, я понимаю, насколько он меня выше. Ростом я не отличаюсь, а с тех пор, как похудела, вообще кажусь миниатюрной.

– Спасибо за приглашение, – говорю я, ненавязчиво прерывая молчание.

– Без проблем. Я подумал, что ты, возможно, захочешь с кем-то познакомиться до начала учебного года.

Я благодарно улыбаюсь.

– Это должно быть страшно, – продолжает Дуайт, когда мы сворачиваем за угол. – Перейти в новую школу, я имею в виду.

– Все лучше, чем в моей предыдущей школе, – пожимаю я плечами.

– А что случилось в твоей предыдущей школе?

На мгновение я замолкаю, мысленно ругая себя. Не могу поверить, как легко проговорила! Как можно быть такой дурой?

– Извини, – произносит Дуайт. Наверное, я молчала достаточно долго, чтобы он понял – это щекотливый вопрос. – Я не хотел совать нос не в свое дело.

– Нет, все в порядке. Просто... я и мой длинный язык, – шучу я и заставляю себя рассмеяться. – Дело в том, что... э-э... на самом деле я там была не... В моей школе в штате Мэн учились не самые приятные люди.

– О-о.

– Мне очень жаль. Я не хотела неловкости, просто иногда слишком много болтаю – сама виновата.

Жалкий лепет. Мой язык не длинный, я знаю, когда нужно заткнуться. Я очень хорошо умею молчать. Я также хорошо умею держать эмоции при себе. Я невероятно хорошо умею не болтать лишнего. Боже, что я несу.

Дуайт улыбается, не ведая моих мыслей.

– Все в порядке, не волнуйся. Мне знакомо это чувство – когда ляпнешь что-то, не подумав. Если хочешь, я все забуду...

– Но я уже это сказала... – отрицательно качаю я головой. – Неважно. Итак, как прошел твой день?

Он хихикает, а потом мы продолжаем разговаривать. Я никогда прежде по-настоящему не разговаривала с людьми, поэтому мне странно, каким естественным это кажется с Дуайтом. Он рассказывает о грубом посетителе и о том, как тостер чуть не взорвался; я рассказываю, как родители взбесились, когда увидели мой пирсинг, и как сильно мне нравится Флорида.

Вскоре мы приходим на пляж. Там уже много народу примерно моего возраста, и, похоже, все они учатся в старших классах. Небо еще не совсем потемнело, но ждать осталось недолго. Солнце пока в закате и отбрасывает красные, розовые и фиолетовые полосы на морские волны. Я никогда не видела ничего подобного. Если бы не мусор, и коряги, и тусующиеся подростки, это было бы поистине захватывающим зрелищем.

Однако я не слишком долго люблюсь великолепным закатом. Мое внимание быстро привлекает толпа людей. Должно быть, здесь около сотни школьников. Большинство из них пьют. Они все болтают и смеются, хорошо проводят время, некоторые целуются... Наверное, так на вечеринках и бывает.

А мне становится страшно. Ну прямо до ужаса. Мне хочется схватить Дуайта за руку, просто чтобы успокоить себя: я не одна, у меня здесь есть друг, все будет в полном порядке. Но я этого не делаю, поскольку он продолжает идти, а я остановилась как вкопанная.

Пока Дуайт не заметил моего отсутствия, догоняю его и снова иду с ним в ногу. Кручу запястьями и сжимаю кулаки; ладони потеют.

Моя прежняя уверенность в себе рассеялась чертовски быстро. Я боюсь, что не смогу ни с кем заговорить. Что никому не понравлюсь. Что все снова будет как в Пайнфорде.

– Эй, – вдруг тихо произносит Дуайт, заставляя меня слегка подпрыгнуть. – Не надо так пугаться. Они не кусаются. Ну, некоторые могут, но я предупрежу, если такие к нам приблизятся.

Я смеюсь, но в смехе явно слышна нервозность. Дуайт толкает меня плечом, от чего наши руки прижимаются друг к другу, и ободряюще улыбается. Я выдавливаю ответную улыбку, делаю пару глубоких вдохов, и мы идем к костру.

Вокруг него разложены бревна, и на них сидят подростки: они болтают о чем-то и пьют. Один парень комкает пустую банку из-под пива, привлекая мое внимание. Он бросает ее в огонь, а затем обнимает девушку рядом.

– Здесь есть кто-нибудь из твоих друзей? – спрашиваю я Дуайта. Мне неприятно думать, что он, возможно, считает себя обязанным держаться возле меня весь вечер, ведь я ни с кем пока не знакома.

Но он и сам уже разглядывает толпу, а потом вскидывает брови, заметив кого-то. Поднимает руку, кивает, и, видимо, его тоже узнали. Я встаю на цыпочки и вытягиваю шею, пытаюсь разглядеть, но уже слишком поздно – в ответ никто не машет.

– Сейчас вернусь, – обращается ко мне Дуайт. – Хочешь чего-нибудь попить?

– Нет, все в порядке, спасибо, – качаю я головой.

– Клянусь, я тебя не брошу, – смеется он и ободряюще улыбается. – Увидимся через минуту.

Со смехом выдыхаю и говорю: «Конечно», – ослепляя его улыбкой. Секунду или две смотрю на его удаляющуюся спину, но потом чувствую себя глупо, оставшись стоять в одиночестве. Делаю несколько шагов к одному из бревен, разложенных вокруг костра, и плюхаюсь на него.

Некоторое время терблю молнию на толстовке. Еще не холодно, но мне хочется застегнуть ее, чтобы почувствовать себя в укрытии. Почти жалею о своей короткой стрижке: я чувствую себя совершенно незащищенной.

Мой айпод лежит в заднем кармане. Не люблю с ним расставаться. Он был частью меня последние пару лет учебы. Меня так и подмывает вставить в уши хотя бы один наушник, но я не могу. *Не буду*. Я отказываюсь сдаваться так скоро.

Скрещиваю руки и кладу их на колени, глядя на огонь. Знаю, что должна с кем-то пообщаться, но с кем? С кем из этих ребят следует знакомиться прежде всего? И неужели сидеть в одиночестве и ждать возвращения Дуайта – это неправильно? Может, надо все-таки постараться влиться в общество?

Я решаю просто подождать возвращения Дуайта. Так безопаснее всего. И проще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.